

И.Н. КУРОЧКИНА

Формирование поведенческой культуры русского общества второй половины XVIII века

ХУНТ век - время формирования дворянского этикета, ставшего эталоном поведения русского общества на протяжении двух столетий, а также явившегося одним из истоков современной поведенческой культуры. Чтобы понять, какие механизмы позволили дворянству сформировать этикет, следует проанализировать сущность и положение данного сословия, характерные для того времени. Дворянство в своем развитии прошло ряд ступеней: от осознания себя единой общественной силой до установления своего полного господства. На каждом из этих этапов существовали свои правила поведения, закрепленные в русских и иностранных книгах, посвященных правилам этикета.

Государственное воздействие на поведение дворянства

Со времен Петра I укреплялась четкая и строжайшая организация дворян в интересах государства. Началом этого процесса послужило учреждение "Табели о рангах" [1, т. 6, с. 486-493], в которой были определены принципы деления социальных слоев, поддерживавших власть. Дворянство различалось по родовитости как потомственное и личное, по месту жительства как столичное и провинциальное, а также по богатству, служебному рангу, национальности, близости ко двору и императору. В зависимости от положения на социальной лестнице существовали те или иные особенности поведения, но были единые нормы и правила. Они насаждались централизованно и закреплялись на дворцовых приемах и ассамблеях, представлявших собой не столько вид развлечений, сколько форму государственной службы.

Виднейший немецкий социолог Н. Элиас, рассмотрев формирование механизма королевской власти, отмечал: чем больше государственная власть связана с личностью короля, тем менее последний оказывался способным контролировать ее единолично, что заставляло его опираться на значительные социальные силы, лавируя между ними, возвышая одних и низвергая других, устанавливая правила поведения и борьбы придворных кланов, подкрепляя эти правила требованиями морали [2, с. 141]. В рамках политики "просвещенного абсолютизма" Екатерина II стремилась усилить политические и нравственные позиции дворянства, являвшегося социальной основой ее власти. Правила "добронравия" были закреплены в принятом в 1782 году "Уставе благочиния". Вся нравственная литература того времени укрепляла чувство гордости дворян за свою принадлежность к этому званию, призывая вместе с тем терпимо относиться к новым представителям элиты. В книге француза Э. Ле Нобля "Светская школа или отеческое наставление сыну о обхождении в свете" русский дворянин читал: "Весьма щастлив тот человек, кто в дворянстве родился, но понеже сие не от нас зависит, то

Курочкина Ирина Николаевна - кандидат исторических наук, преподаватель Московского городского педагогического университета.

благородному отнюдь не должно худородных презирать. Природное шляхетство насаждает в дворянах... великодушные... и любление чести"¹ [3, т. 1, с. 22]. Оформляясь в начале XVIII века из среды незнатных и неродовитых служителей государства, дворянство постепенно вобрало в свои ряды боярскую знать. К середине века гордость за величие рода господствовала в умах правящего класса. Актуальным стал призыв французского дипломата Т. Ла-Шетарди: "Надлежит за образец себе брать того из своих предков, который наиболее имел достоинства" [4, с. 28].

Понятие чести считалось важным для русского дворянина. Государство формировало представления о чести через законодательные акты, включая такие, как "Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству" 1762 года и "Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства" 1785 года [1, т. 15, с. 344-355; т. 22, с. 344-414].

Но русское понимание чести отличалось от европейского из-за сильной разобщенности внутри дворянства. Приближенность к высшей государственной власти резко выделяла дворянина из среды сословия. Князь П. Голицын, побивший в строю палкой офицера П. Шепелева, отказался принять вызов на дуэль даже тогда, когда получил от обиженного пощечину, по причине его недостаточно высокого происхождения. Фиксируя это событие в своем дневнике, французский дипломат М. Корберон отметил: князь Голицын "не понял своих обязанностей по отношению к Шепелеву, хотя и стоявшему ниже его по рождению, но все же офицеру". Сравнив русского князя с принцем Конде, оскорбившем офицера, но не отказавшем тому в удовлетворении, Корберон пришел к выводу, что "страшное общественное неравенство, обусловленное образом правления в России, душит идею чести" [5, с. 26] и формирует иной подход к ее пониманию.

Государство стремилось разрушить дуэльный кодекс чести, рассматривая жизнь дворянина как свою *собственность*, которой никто не вправе распоряжаться, кроме императора. Петр I в "Воинском уставе" 1716 года запретил дуэли между дворянами. Обиженный должен был отказаться от мщения и искать сатисфакции в суде, который приговаривал в зависимости от содеянного к различным наказаниям: за словесную обиду к нескольким месяцам ареста, устному извинению и лишению на время ареста жалованья; за удар рукой - к заключению на три месяца, лишению жалованья на полгода, вымаливанию прощения, стоя на коленях; за удар палкой - к лишению жалованья на год или потере чина [1, т. 5, с. 260-262]. В 1787 году Екатерина II провозгласила "Манифест о поединках", по которому запрещалось "в собственном деле сделаться судьей", "в собственном или чужом деле вынуть оружие или употребить оное", "вызвать кого на драку, или так прозванный поединок" и "выходить на драку или поединок" [1, т. 22, с. 841]. На практике дворяне нарушали эти государственные установления, видя в дуэли средство защиты оскорбленного достоинства.

Литература того времени закрепляла государственный подход к вопросу о защите дворянской чести. Например, в книге "Истинная политика знатных и благородных особ", переведенной с французского языка писателем В. Третьяковским, порицалось участие в поединке: дворянин "теряет все свое добро, принужден он уйти из государства... разлучиться от всех своих любезных. Он отдает на щастие свою жизнь, которую может потерять в бою, буде не осилит, или на плахе, буде хотя и одолеет... погубляет он свою душу" [6, с. 55].

В 1783 году впервые была опубликована книга австрийского педагога И. Фельбигера "О должностях человека и гражданина", переведенная с немецкого языка и отредактированная при участии императрицы. Состоящая из многочисленных правил поведения и советов по ведению хозяйства, она стала своего рода энциклопедией нравов и жизненных установок, много раз переиздавалась и использовалась как учебное пособие для народных училищ. Она призывала молодых дворян бояться подлости, т.е. неблагоприятных поступков и непростойных дел, которые приводят к потере чести.

---

¹ В текстах XVIII века сохранены оригинальная орфография и пунктуация.

Декларировалось, что дворянское происхождение несовместимо с подлостью и дает преимущества перед другими сословиями, например право занимать высокие должности в государстве, быть приближенным к монарху [7, с. 52,53].

Но честь и жизнь дворянина зависели от императорского самовластия. Законодательство Екатерины II, провозглашая и расширяя вольности дворянства, четко определяло *границы* этой вольности. Императрица по своей собственной воле решала вопросы дворянского имущества: управления, наследования, распоряжения. Лицам, неугодным правительству, предписывалось жить вне столицы, а за нарушение такого предписания грозило двухлетнее пребывание в смиренном доме [1, т. 22, с. 275].

Власть все более ограничивала допуск других слоев населения в привилегированное сословие. Отсюда ряд законов о необходимости предъявлять подтверждение о дворянском достоинстве при повышении офицерского звания или награждении чинами 8-го класса [1, т. 17, с. 631; т. 19, с. 1020; т. 20, с. 526; т. 23, с. 236]. Для укрепления организационной структуры общества сложилась государственная система наград. В прежние времена награждения ценными предметами, приглашением к царскому столу, угощением из царского кубка не фиксировались документами и слабо влияли на продвижение по службе. Теперь вводились отличительные награжденные знаки орденов Святого Андрея Первозванного, Святой Екатерины, Святого Александра Невского, Святого Великомученика и победоносца Георгия, Святого Равноапостольного Князя Владимира и др., награждение которыми давало дворянину ряд привилегий и повышало его статус на службе и при дворе².

В России существовали серьезные отличия столичного дворянства от провинциального. Их определяли дистанция, отделявшая дворян от двора, разница шансов в борьбе за благоволение высшей власти. Высшее петербургское общество было блестящим и разнообразным. Аристократические семьи встречались в светских салонах, тон в которых задавали дипломаты и французские эмигранты. Постепенно эти встречи приобретали все более свободный характер. Говорили по-французски, как было принято при всех европейских дворах и в высшем свете. В России французский язык распространился при Елизавете Петровне, Екатерина II в указе об учреждении народных училищ предоставила его изучение домашнему воспитанию [1, т. 21, с. 1012], тем самым ограничив число лиц, говорящих по-французски. Княгиня Е. Воронцова, племянница вице-канцлера, в замужестве Дашкова, получила по тем временам прекрасное воспитание, знала четыре языка. В семье своего мужа, славившейся патриархальными московскими привычками, она казалась иностранкой. "Я говорила по-русски очень дурно, а свекровь моя на беду не говорила ни на одном иностранном языке... я ревностно стала изучать отечественный язык и так быстро успевала, что заслужила всеобщие рукоплескания со стороны моих родственников" [8, с. 29],- вспоминала Е. Дашкова о своих первых семейных впечатлениях. Только после замужества будущий президент Российской Академии взялась за изучение родного языка.

Французские гувернантки обучали детей не только языку, но и утонченным манерам, без которых дворянин не мог считать себя принадлежащим к светскому обществу. И все же к концу века благовоспитанность была во многом показной: многие представители высшего общества сохранили наряду с европейской изысканностью грубость нравов, наряду с внешним великолепием праздничного убранства неряшливость домашнего костюма и вида, они позволяли себе встречать в своем доме гостей в домашнем халате и ночном колпаке. Русские, по мнению Корберона, впитали наряду с достоинствами и недостатки западной цивилизации — любовь к роскоши и удовольствиям, развращение нравов и тщеславие. Не восприняв духа европейской культуры, они походили на людей "в прекрасных манжетах, но без рубашки" [5, с. 20]. Французский дипломат был весьма резок в характеристиках, говоря о жизни в России "среди разодетых дикарей, прикрывающих нашими модами и обычаями природную

---

² Государство давало право на звание кавалера; получивший это право самостоятельно заказывал знак ордена - большой и массивный, как это было принято в XVIII веке.

жестокость своего характера..." [5, с. 75]. Вместе с тем он отмечал, что ему интересно бывать в петербургских домах, что русские женщины чрезвычайно обаятельны, умны и изящны. Он выделял отдельных государственных деятелей за их ум, деловые качества, светские манеры [5, с. 35, 46, 51].

В отличие от петербургского московское общество в большей степени сохранило русские исторические традиции, своеобразно сочетая новые бытовые и поведенческие порядки с обычаями старины.

Характеризуя жизнь провинциального дворянства, отметим, что в начале царствования Екатерины II оно придерживалось патриархальных традиций, предпочитая жить в своих поместьях, мало общаясь с соседями, встречаясь с ними только в бесконечных тяжбах за свои владения. Немногие имели самое элементарное образование. Сенат в своем наказе Комиссии 1767 года отстаивал необходимость создания сети просветительных учреждений, ссылаясь на то, что люди в провинции пребывают в невежестве из-за нехватки учебных заведений и недостаточного уровня педагогических кадров [9]. К тому же российские законы и обязанности дворянского звания призывали молодых и энергичных людей из провинции на государственную службу. Только принятый в 1762 году Петром III "Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству" предоставил дворянскому сословию возможность выходить в отставку, возвращаться в свои владения и заниматься хозяйственной деятельностью, что улучшило материальные условия жизни дворян и социальный состав провинции.

Появились возможности для обучения детей дворянского сословия. На местах открывались народные училища. В семье брали учителей из студентов Московского университета. Отдельные дворяне посылали своих детей учиться в другие города. В 1762 году при Артиллерийском и Инженерном корпусе было создано училище для дворянских детей, в 1764 году при Воскресенском монастыре в Петербурге началось обучение 200 благородных девиц. В 1772 году власть приняла решение о содержании за счет действительного статского советника И. Бецкого четверых воспитанников из бедных дворянских семей в Сухопутном кадетском корпусе и пятерых воспитанниц из таких же семей в обществе Благородных девиц [1, т. 19, с. 573]. С 1773 года стали принимать в воспитательные учреждения детей сверх определенного числа, на собственном содержании, а на следующий год был объявлен Сенатский указ о содержании 1 тыс. неимущих дворянских детей в гарнизонных школах за казенный счет и определении их затем на военную службу [1, т. 16, с. 94, 742; т. 19, с. 573, 765, 923]. Таким образом, государство через правовые акты пыталось формировать образованное дворянское общество.

Результат государственной деятельности проявился к концу века: менялся облик и быт провинциального дворянства, в среде которого появлялись образованные люди. На праздники, по воспоминаниям А. Болотова, семьями ездили в Петербург и Москву, чтобы закупить в столице модные платья, экипажи, книги. Появилось стремление к светским обычаям и роскоши, которая, по мнению Элиаса, была необходимым подтверждением власти и общественной силы, проявлением особого рода "дворянской рациональности", увеличивавшей шансы в борьбе за дальнейшее возвышение [2, с. 141]. Но тяга к роскоши усиливала эксплуатацию крепостного крестьянства и разоряла самих дворян. В 1793 году Екатерина II запретила ввоз французских товаров в Россию, ссылаясь на то, что они развивают излишество и разорительную роскошь [1, т. 23, с. 406].

К концу XVIII века провинциальные дворяне стали жить не только проблемами своего дома, но и занимались общественными делами, собирались вместе для обсуждения и решения вопросов развития губернии и страны. Получило начало местное самоуправление, присутственные места заполнялись заседателями из дворян. Если в Петербурге центром светской жизни был царский двор и императрица, то во главе местного дворянского общества стоял губернатор. В его доме давались балы, концерты, ставились любительские спектакли. В конце 1780-х годов в провинциальную моду вошли визиты: в праздничные дни для поздравлений и поклонов ездили к

городским предводителям и знакомым. В провинцию, освободившись от государственной службы, возвращались из столицы образованные люди, имевшие в своих домах библиотеки, знавшие иностранные языки, европейскую литературу и философию.

Овладение "изящными манерами" стало условием присутствия на светских приемах и продвижения по службе. Это создало рынок для книг, из которых брались образцы поведения в обществе. Открывались казенные и частные типографии, книги печатались на языке оригинала (немецкий, французский, английский) или в переводе. Появились первые литературные переводчики, которые не только излагали содержание, но приспособляли его к русской действительности. Они обязательно подписывали свой труд и посвящали его высокопоставленному лицу³. Зарубежные авторы XVII-XVIII веков - священнослужители, писатели, ученые, медики, педагоги - расширяли представления русского читателя о нравственных основах жизни, рассматривали вопросы о счастье, любви, дружбе, долге перед Отечеством, рекомендуя способы самосовершенствования, развития добродетели, благоразумия и человеколюбия. Эти призывы не остались безответными.

В России появилась отечественная нравоучительная литература, в которой поднимались проблемы благочестия, общественной пользы сочетания нравственного и разумного, моральных основ человеческих отношений. Стремление к общественному признанию и успеху заставляло дворян вести себя согласно правилам учтивости. Положение дворянина обязывало придерживаться приятных манер, привлекающих к себе людей, соблюдать чистоту и опрятность внешнего вида, избегать невежливого обращения и ненужных советов, не проявлять гордость, понимаемую в те времена как высокомерие и тщеславие, уметь поддержать разговор. Множились книги, знакомящие читателя со всеми составляющими этикета: придворного, речевого, танцевального, эпистолярного [10-14]. Русские писатели XVIII века А. Кантемир, М. Ломоносов, А. Сумароков, В. Капнист, Д. Фонвизин, Г. Державин, А. Радищев, Н. Карамзин внесли свой вклад в формирование поведенческой культуры общества, освещая быт и нравы русского народа, вскрывая негативные явления русской действительности, знакомя с особенностями жизни других стран, тем самым содействуя распространению в обществе новых социокультурных традиций.

Таким образом, государство активно влияло на формирование и развитие поведенческой культуры дворянства через распространение чинов, введение орденской системы наград, организацию сети воспитательно-образовательных учреждений, но главным образом - через законодательные акты. Постепенно строжайшая регламентация дворянской жизни заменялась новыми принципами взаимоотношений власти и господствовавшего дворянского сословия: первая гарантировала второму на вечные времена "вольность и свободу", неприкосновенность "чести, жизни и имения" [1, т. 22, с. 347, 348]. На смену государственному принуждению постепенно приходило самопринуждение к "цивилизованному поведению" с целью укрепления своего положения в обществе и перед лицом власти. При Павле I власть попыталась отнять у дворянства вольности, но оно сумело отстоять свои позиции, физически устранив императора в 1801 году путем заговора. Укрепляя свое господство, дворянство нуждалось в поведенческом порядке, защищавшем и отражавшем его интересы, поэтому сознательно и энергично через государственные органы, нравоучительную литературу и лучших представителей дворянского сословия шло формирование и развитие дворянского этикета.

Нравственные основы поведения российского дворянина

Развитие поведенческой структуры русского общества шло по двум направлениям: совершенствовался этикет в государственной и общественной сферах, а также создавался бытовой этикет, охватывавший все стороны частной жизни. Актуальными стали вопросы поведенческой культуры: что значит светское обхождение? что со-

---

³ Среди них можно назвать П. Баженова, Е. Вильковского, С. Волчкова, П. Калязина, С. Пакацкого, И. Покровского, И. Туляновского, В. Третьяковского и др.

ставляет основу поведения? какие обычаи и традиции прошлого необходимо сохранить в современном поведении? Формировавшийся в России этикет играл в развитии российского государства немаловажную роль. Этикетные правила отражали потребности общества в продуманном и учтвом поведении его членов, имевшем в своей основе нравственную оценку и эстетическую красоту совершавшихся поступков и действий.

Поведение стали рассматривать в теснейшей связи с нравственными позициями, как внешнее проявление *внутреннего содержания* личности. Философский взгляд на человека учитывал сочетание в нем достоинств и недостатков. Перед дворянином ставились задачи самопознания, т.е. исследования своих достоинств и недостатков, самосовершенствования в соответствии с требованиями совести, создания своей личности. "Насколько человек глубок, настолько он личность. Всегда и во всем - внутри должно быть больше, чем снаружи"; "Никогда не терять уважения к себе. И наедине не будь в споре с собою. Да будет твоя совесть мерилом твоей правоты и строгость собственного приговора важнее чужих мнений" [10, с. 14,15].

Давая практические советы по самосовершенствованию, нравоучительная литература рекомендовала "властвовать собой", сдерживать эмоции, как можно меньше говорить о себе с другими, так как хвалить себя "суета, а хулить нискость и порок" [15, с. 99]. Став личностью, человек мог строить отношения с другими, не умаляя их значимости, как писал об этом Н. Карамзин: "С чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной только низким душам" [16, с. 115]. Общество вырабатывало два важных правила общения: уверенность в себе, основанную на личном достоинстве, и уважение к другим людям, проявлявшееся в учтивости, благопристойности, добродетельности и благоразумии.

Поведение человека строго регламентировалось в зависимости от родовитости, имущественного состояния, чина и возраста, но ряд поведенческих принципов был обязателен для всех и каждого: "Будь благочестив, добросердечен, воздержан, добронравен и учтив" [17, с. 11].

Учтивость понималась как "главная черта культуры" [15, с. 28], такое поведение, в котором отражается стремление нравиться окружающим, благопристойность. Проявляясь в словах и поступках, она включала в себя вежливое обращение со всеми, почтение к вышестоящим, стыдливость и честность. Литература того времени просто и доходчиво внушала основные принципы учтивости: отсутствие грубых манер, неестественности в одежде, словах и поступках, а также желание всем угождать и быть приятными в общении [3, т. 2, с. 306]. Следовало к каждому относиться по его достоинству, но ко всем учтиво: без притворства демонстрировать вышестоящим свое почтение и послушание, нижестоящим - благосклонное к ним расположение [6, с. 107, 108].

Из книг XVIII века мы не только узнаем об идеальных поведенческих представлениях русского общества, но и о тех негативных явлениях, которые были тогда широко распространены. Корберон писал: "Вежливость русских состоит в том, что они надоедают поклонами, пошлыми комплиментами, обедами... а настоящей тонкой деликатностью, составляющей всю прелесть общения, они не обладают" [5, с. 54]. Еще формировались такие нравственные и эстетические принципы общения, как обходительность и услужливость, благодеяние и благодарность, откровенность и искренность, красота манер, движений и поступков.

Жизнь часто велась по двойному стандарту. Автор книги "Добрыя мысли..." представлял молодых людей: "Притворство есть такая болезнь, которая различным образом выходит наружу. Иногда оказывается она в платье, иногда в лице и во взглядах; а ласто в поступках и положении тела, по большей же части в словах и разговорах. всякий род притворства поставляет человека на известную степень насмешения, но притворство в выражениях делает его презрительным и противным" [17, с. 78-80]. На само м деле, исходя из личных интересов самоутверждения, человек, принадлежавший к высшему сословию, обязан был притворяться, пробивая себе дорогу с помощью императорских фаворитов, сильных благодетелей - губернаторов и их чиновников, демонстрируя им свои любовь и уважение.

Очевидно, именно в силу широкого распространения лжи и притворства, источники полны рекомендаций по их искоренению, а также советов о необходимости проявления в общении честности, благодарности, откровенности и искренности: "Говорить так, а делать иначе не прилично разумному человеку", "со временем правда познается, и тогда вместо почтения получишь их презрение... Никогда не лги; сей порок люди не прощают, и не верят тому человеку, который в оном обличен, хотя бы он и правду говорил" [18, с. 22, 23]. Но будучи откровенным, следовало осознавать, как учила нравственная литература, что не все и не всегда можно поверять другим людям [10, с. 147].

Считалось уделом подлых людей, т.е. представителей низших слоев общества, оставлять благодеяние без ответной благодарности или тщеславиться своими добрыми делами [3, т. 1, с. 99, 100]. Вопрос о благодарности приобретал для русского человека религиозное значение: считалось, что неблагодарный перед людьми "тем самым неблагодарен уже и перед Богом...". Но благодарность рассматривалась и с чисто практической стороны, ибо она "умножает в наших меценатах благодеяния, а в приятелях любовь и доброе сердце" [19, с. 49, 50]. Руководствуясь этим правилом, Корберон, находившийся некоторое время вне милости русской императрицы, получив от Н. Панина уведомление о том, что Екатерина II позволила ему вновь "бывать при дворе", на следующий день посетил своих покровителей с благодарственным визитом, а в дневнике записал: "Благодарность была необходима..." [5, с. 161].

Формирование дворянского общества требовало осознания таких понятий, как свет и светское обхождение. Нравоучительные источники XVIII века рассматривали эти понятия наряду с нравственными и поведенческими принципами. "Что именуется обычаями света, состоит... - писал член Французской академии Ф. Монкриф, - в точности, с которою употребляются знание жить, учтивство, стремление или воздержность, вольные поступки или почтение, веселой или степенной вид, отказ, или угождение, наконец все изъявления должностей, или почтения, составляющая обхождение сообщества..." [20, с. 98].

Неумение вести светский образ жизни ставило человека в сложное положение, вносило в его поведение неуверенность и робость, которые особенно сильно проявлялись, когда провинциал, не владевший навыками светского общения, приезжал в столицу и становился посмешищем в глазах столичной знати. Но к концу века уже не было большой разницы в поведении столичного и провинциального дворянина. Сглаживанию различий способствовало честолюбие, "Каждая деталь, способствовавшая утонченности этикета, церемонии, вкуса, одежды, манер и даже простого общения, была инструментом в борьбе за статус и власть", - писал Элиас [2, с. 142].

Искусству обхождения придавалось важное значение, так как от владения им зависело сохранение чести и достоинства. Среди различных тайн этого искусства, таких, как учтивость, почтение, умеренность в проявлении чувств, огромную роль играло умение "метать и отражать тайные стрелы", чтобы проверять намерения своих друзей и врагов. Рекомендовалось также исследовать людские сердца, "к каждому подбирать отмычку", чтобы получить любовь и доверие, "распознать счастливых и несчастных": с первыми дружить, вторых, навлекающих несчастье, избегать. В проявлении дружеских чувств следовало соблюдать меру, так как излишество считалось большим недостатком, особенно в общении [15, с. 10-12].

С развитием светской жизни манеры осознавались как высшая ценность, без которой разум, справедливость, красота не имеют силы. "Худой манер не только все портит, но и самую правду с разумом, безобразными творит. А добрый манер ко всему пристроен. Он услаждает отказ, и всякую горечь в правде... украшает жизнь человеческую... По корке манира познавается плод вещи. Кого довольно не знаем, о том по виду лица, и стану тела его разсуждаем. Манер, как первая часть достоинства, ослепляет очи смотрящих на себя; имеющий его щастлив, а лишенный весьма безщастен. Правда сильна, ум самовластен, правосудие велико и важно, ежелиж добраго маниру не имеют, то все безобразны" [10, с. 10, 11]. Приятные мане-

ры проявлялись прежде всего в реальном поведении человека: движениях, походке, умении красиво сидеть и стоять, держать руки, наклонять голову.

Дворянин обязан был своими манерами подчеркивать достоинство, ходить не спеша, без лишних движений тела, ноги не волочить и не ступать ими сильно, на лестнице не переступать через ступени; сидеть прямо, не наваливаясь на стену, на стол локтями не опираться, ногами не болтать [21, с. 11; 22, с. 9, 10]. В дополнение к этим правилам человек, соблюдавший "добрый манир", должен был помнить, что нельзя: сидеть или ходить, когда другие стоят; занимать чужое место; без поклона входить в помещение или проходить мимо кого-либо. При разговоре лучше держаться на расстоянии, которое не позволит обрызгать слюной собеседника. Не плевать "от себя далеко, или на стену и на окно: пристойнее плевать в платок"; во время зевка закрывать рот рукой или платком, слегка отвернувшись от присутствующих [22, с. 24, 25; 18, с. 26].

В любых ситуациях следовало помнить, что "выражения лица, хваток, голоса, суть второй язык, имеющий свой слог и образ их произношения... природу... хорошее, или худое воспитание" [20, с. 32]. Настойчиво укреплялась мысль о том, что дурное поведение непристойно, неэтично и что каждый может себя исправить, стремясь к совершенству.

Хорошие манеры предполагали также умение выйти из затруднительного положения, сохранив свое достоинство. Во все времена происходило столкновение между справедливостью и несправедливостью, человек оказывался в состоянии обиды, нередко незаслуженной, но теперь проблемы взаимоотношений пытались решать цивилизованными способами — с позиций воспитанного и разумного человека. Рекомендовалось избегать гнева, ненависти, мести, ибо они разрушают саму личность. Осознание того, что при мщении человек проявляет свои слабости и пороки, тогда как при прощении врагов показывает силу и величие, заставляло придерживаться следующей позиции: "лучше того мщения нет, как неприятеля своего простить" [23, с. 109]. Общительное общение предполагало избегать неприязни других к себе. Нравственные установки того времени сводились к тому, что обиды целесообразнее прощать: "Злом за зло платить... безраздумных людей поступок", "Отсрочивать прощение оскорбившим весьма опасно... кто малым чем досадил, тот... умножает гнев и подкрепляет себя сообщниками на тяжчайшее поражение", "Обиды от сильных людей принимай яко должныя; ибо не можно тебе на них жаловаться..." [24, с. 5].

Активное участие в общественной жизни требовало от дворянина знаний поведенческих правил и обычаев общества, понимания различий интересов и взглядов, умения выбрать свой стиль поведения: "Как одно платье не всякаго возраста и пола человеку надевать можно; или как сапог не на всякую годится ногу; так поведения примеры и подражание, не ко всем делам, обстоятельствам и лицам без разбору должно приспособлять" [25, с. 4]. Внимательно читая нравоучительную литературу, дворянин находил в ней подтверждение своим рассуждениям: "...надлежит нам примечать обычаи, поступки и свойство нашего века... чтобы лучше знать, как поступать с людьми и обращаться в делах... чтоб уведать, каким способом можно жить в согласии со всеми и исполнить свои намерения" [6, с. 70].

В основу российских поведенческих принципов XVIII века были положены установки, предложенные французским этикетом, ибо Франция, по высказыванию журнала "Магазин общепользных знаний и изобретений...", "...во всем, относившемся до этикета и церемониала, была нашим образцом" [26, с. 389]. Ко времени формирования и развития российского этикета Франция была ведущей страной классического абсолютизма, не только выработавшей его основы, но и влиявшей на все монархические государства Европы. Россия не могла не воспринять этого влияния.

Элиас отмечал, что с усилением центральной координирующей монополии власти возрастает зависимость каждого индивида от ее интересов, что не только укрепляет основы королевской власти, но и побуждает членов общества к цивилизованному поведению. В России, как и в других абсолютистских государствах, придворная церемония стала тонким инструментом выражения благоволения власти, а придворная

поведенческая рациональность, необходимая для укрепления своего статуса, -средством доступа к власти.

Поведенческая структура русского общества XVIII века претерпела серьезные изменения, отражавшие особенности времени. Появились новые нравственные позиции, среди них самоуважение, основанное на внутреннем достоинстве и чести, обходительность, благодарность, благопристойность, уважение к женщине. Эти нравственные позиции еще не имели широкого распространения, но уже были заявлены как необходимые составляющие поведенческой культуры. В то же время в основном сохранились нравственные истоки поведения, выработанные прежними веками, такие, как почитание Бога, уважение, скромность, почтение к возрасту, родовитости, социальному положению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830.
2. Современные теории цивилизаций: Реф. сб. М., 1995.
3. *Ле Нобль Э.* Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761.
4. *Ла-Шетарди Т. де.* Наставление знатному молодому человеку, или Воображение о светском человеке. СПб., 1778.
5. *Корберон М.Д.* Бурре. Интимный дневник шевалье де Корберона. СПб., 1907.
6. Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1787.
7. *Фельбигер И.И.* О должностях человека и гражданина. СПб., 1783.
8. *Дашкова Е.Р.* Воспоминания княгини Е.Р. Дашковой. Лейпциг, 1876.
9. *Бочкарев В.Н.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 г. Петроград, 1915.
10. *Грасиан-и-Моралес Б.* Грациан придворный человек. СПб., 1742.
11. *Борделон Л.* Книга язык. СПб., 1781.
12. *Компак Ш.* Танцевальный словарь. М., 1790.
13. *Кусков И.* Танцевальный учитель, заключающий в себе правила и основания сего искусства к пользе обоего пола, со многими гравированными фигурами и частью музыки. СПб., 1794.
14. Наставление, как сочинять и писать всякия письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. М., 1769.
15. *Грасиан-и-Моралес Б.* Карманный оракул: Критикон. М, 1981.
16. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1964.
17. Добрые мысли, или Последняя наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789.
18. *Трельч К.* Женская школа, или Нравоучительныя правила для наставления прекрасного пола как оному в свете разумно себя вести при всяких случаях должно? М, 1773.
19. *Золотницкий В.Т.* Общество разнovidных лиц, или Разсуждения о действиях и нравах человеческих. СПб., 1766.
20. *Монкриф Ф.* Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.
21. *Каменский Я.А.* Правила благопристойности, для преподавания обучающемуся юношеству. СПб., 1792.
22. Правила учтивости. СПб., 1779.
23. Наука счастливым быть. СПб., 1775.
24. Собеседование мудрости, или Отборныя наставления предложенныя в пяти вечерах. СПб., 1784.
25. Благоразумный гражданин, или Напутствие человеку вступающему в должность общежития. СПб., 1789.
26. Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот. Ч. 2. СПб., 1795.